

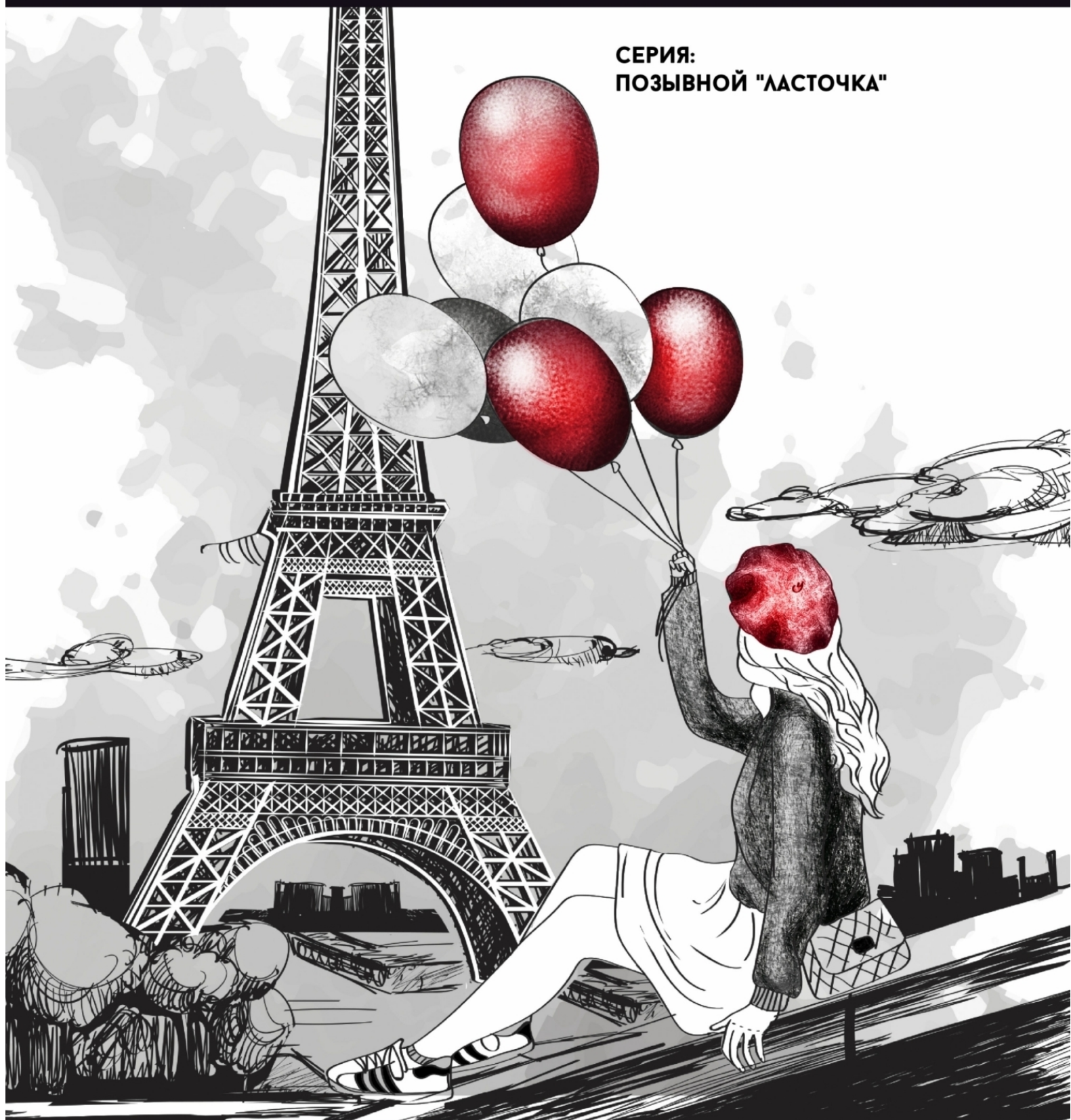

ОЛЬГА ПОЛТАРАНИНА

ЭФФЕКТ
БУМЕРАНГА

12+

СЕРИЯ:
ПОЗЫВНОЙ "ЛАСТОЧКА"

Ольга Полтаранина
Эффект бумеранга

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Полтаранина О. Т.

Эффект бумеранга / О. Т. Полтаранина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Париж 60-х годов прошлого века... Город "Вечной любви", "Безумного, безумного мира", "Чёрного тюльпана". В Венсенском лесу, в обстановке строжайшей секретности, работает лаборатория над совершенствованием препарата против человечности - "ИС". Получит ли опасный "эликсир" распространение на планете? НАТО отказывается участвовать в войне во Вьетнаме. Франция выходит из Альянса. Президент Шарль де Голль отправляет в США корабли, гружёные долларовыми банкнотами, в обмен на них возвращает золото во Францию. Книга 3 продолжает серию "Позывной "Ласточка" о жизни, любви, службе семейной пары советских разведчиков во Франции, в период 1963-1966 гг.

© Полтаранина О. Т., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Амалия Гарвинг	10
Эрика Стюард	12
Медаль Почёта	15
Настоящий солдат	17
Планы командования	20
Специализированный детский сад	21
Оставь надежду, всяк сюда входящий...	24
Тупик или новая возможность?	26
Мёртвый сезон	27
Рокировка	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Полтаранина

Эффект бумеранга

Сюжет книги основан на исторических событиях.

Герои, их судьбы – художественный вымысел автора.

Совпадения с реальными людьми – случайность.

Пролог

Есть только одна вещь на свете, которая может быть хуже Освенцима – то, что мир забудет, что было такое место

Генри Аппель, узник Освенцим

С неистребимой изощрённостью люди веками применяют к своим собратьям различные способы уничтожения, унижения, устрашения. Загоняют друг друга в рабство. Прибегают к пыткам и насилию.

Расизм – апофеоз жестокости человечества. Зародился в эпоху первобытнообщинного строя и с тех пор верно служит своим адептам.

С приходом к власти нацистов в Германии, расизм и ксенофобия¹ были введены в ранг государственной политики, согласно которой, народы ранжировались по внешним признакам. В высшей категории значились «истинные арийцы»: немцы, англосаксы, датчане, норвежцы, голландцы, шведы.

Славяне рассматривались как рабы.

К «низшим» слоям населения планеты относились негроидная и монголоидная расы. Евреи, цыгане, метисы, мулаты, больные, немощные считались «*untermensch*» («недочеловеками») и подлежали истреблению.

Гитлеровцы применяли примитивные, но эффективные способы управления людьми: угрозы, грубую силу, прямое насилие, уничтожение. Сгоняли «недочеловеков» и военнопленных в концентрационные лагеря и умерщвляли.

Для армии рейха немецкие учёные-врачи разрабатывали новые виды вооружения. Испытывали действие компонентов биологического и психического оружия на узниках концлагерей. Выжить удалось немногим.

Освенцим – крупнейший из многих лагерей смерти. На Нюрнбергском процессе² установлено, что в годы Второй мировой войны здесь погибло более 4 миллионов человек. Их сжигали в крематориях. Травили в газовых камерах. Вешали, расстреливали, истязали на каторжных работах. Люди гибли от голода, холода, истязаний в ходе «медицинских» экспериментов.

Сегодня здесь музей. Его экспонаты – бараки, казармы, помещения с одеждой, обувью, волосами убитых. Ежедневно здесь сотни людей получают прививку против фашизма. Это территория боли – место незаживающей раны на Земле.

На юбилей к 75-летию освобождения Освенцима от фашистов, делегаты государств-участников Второй мировой войны собрались здесь, чтобы почтить память погибших.

Начался митинг. Моросил мелкий дождь. Было холодно и сыро. Дул промозглый ветер. В траурной колонне, вместе с детьми и внуками шли бывшие узники концлагеря. Они рассказывали об ужасе и муках, перенесённых в лагере смерти.

Выступали уполномоченные представители стран.

В составе российской делегации присутствовала восьмидесятичетырёхлетняя Таисия Ивановна Звонцова – полковник внешней разведки России. С войной у неё свои счёты. Ей было шесть лет, когда на фронте убили отца. Мать поднимала четверых детей³.

Пожилая женщина, со слезами на глазах, всматривалась в лица участников митинга, проносивших траурные речи. Надеялась услышать слова благодарности освободительницы от фашизма – Красной Армии. Но, увы! Ни одна фамилия так и не прозвучала! Никто не упомя-

¹ Неприязнь к кому-либо или чему-либо чужому, возведённая в ранг мировоззрения

² Нюрнбергский процесс – международный судебный процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии

³ Книга «Случайности не случайны», автор О. Полтаранина.

нул, что только за освобождение Польши от гитлеровских захватчиков погибло 600 212 советских солдат и офицеров!

...Зажглись свечи. Прозвучал церковный молебен. Траурное мероприятие подошло к концу.

Разъяснилось небо, показалось солнце, засияла радуга. Жизнь на Земле продолжалась!

Глава 1

Препарат « IC

»

Кадры решают всё.

Люди – это самая уязвимая составляющая любой организации. Квалифицированные работники дорого ценят свой труд. Требуют высокую зарплату. Солидные социальные пакеты. «Белые воротнички» не останавливаются на достигнутом. В поисках лучшего места находят других хозяев, способных платить больше. Продают секреты конкурентам, спекулируют знаниями, опытом, навыками.

Впервые Европа столкнулась с проблемой управления персоналом в середине 19 века, во времена промышленной революции. Рост заводов и фабрик привел к увеличению потребности в наёмной рабочей силе. Возникли мифы о справедливости, которые базировались на принципе распределения богатств между всеми членами социума поровну. Но уже тогда было понятно, что это невозможно.

Люди отличаются друг от друга и, поэтому, логично, что имеют разный доход. Трудовые отношения предполагают классовое неравенство работников и работодателей. В состоянии противодействия и зависимости друг от друга, они обречены на вечный поиск компромисса.

Работники отстаивают свои права. Организуют профсоюзы. Призывают к борьбе против эксплуатации. Тот, кто платит деньги требует качественного выполнения работ или оказания услуг.

В конфликтах между сторонами трудовых отношений можно долго и много разбираться. Хорошо, если найдётся консенсус. А если нет? Работник и работодатель будут уповать на справедливость. Только она у каждого своя. Следовательно, её нет. В этом состоит философия жизни, которую нужно принять.

В 20-х годах прошлого века, сын крупного немецкого промышленника Эммануил Гарвинг блестяще окончил медицинский факультет университета. Наблюдая проблемы с работниками в семейном бизнесе, увлёкся социологией. Проанализировал ситуацию на рынке труда и пришёл к выводу, что умы талантливых и способных людей слабо вовлечены в производство валового продукта.

Акционеры стремятся назначить на ответственные посты доверенных или отрекомендованных лиц. При приёме на работу обращают внимание на три качества: честность, интеллект, инициатива. Если человек лгун – остальное не имеет значение.

Результаты исследований, проведённые Эммануилом Гарвингом, были ошеломляющими. Выяснилось, что при выборе работников, предприятия игнорируют талантливых людей. Предпочитают брать надежных, проверенных и покладистых претендентов. Из боязни натолкнуться на непорядочного кандидата, компании лишаются эффективных специалистов. Тем самым, сдерживают не только своё развитие, но и научно-технический прогресс в целом, на планете.

Гарвинг озадачился идеей создания эликсира, которой бы снимал проблему с доверием: лишал работника амбиций, оставляя не тронутыми разум и способности. Препарат, который должен был превратить личность в идеального раба, получил название – «Интеллектуальный сумасшедший» («IC»).

«Душа отвлекает человека от плодотворного труда. Люди общаются, встречаются, женятся. У них появляются дети. Работники вынуждены думать о своих семьях, бесконечно отвлекаться и, вследствие этого, неэффективно трудиться. Раб не должен иметь души. Душа

раба мешает ему обслуживать господина», – рассуждал Гарвинг и нацелил свои исследования на уничтожение души. На вытравление фундаментальных столпов божественной сути человека: веры, надежды, любви.

Стремительный рост карьеры Эммануила Гарвинга начался в начале 30 – х годов, с вступлением его в Национально – Социалистическую немецкую рабочую партию, возглавляемую Адольфом Гитлером. Германия нуждалась в суперрабах, способных квалифицированно, без лишних амбиций и эмоций, не отвлекаясь на домашние дела, служить «истинным арийцам».

Идея «ИС» была презентована фюреру. Гитлер был впечатлён. Из государственного бюджета молодому учёному были выделены деньги на организацию «клиники».

Перед Эммануилом Гарвингом открылись величайшие возможности гигантской экспериментальной базы из числа «недочеловеков» и военнопленных, загнанных в концентрационные лагеря.

Прошло несколько лет опытной практики профессора Гарвинга. Но изобретение «ИС» всё время отодвигалось. Действительность внесла свои корректировки.

Выяснилось, что если у человека отнять способность радоваться, то его невозможно побудить к труду. Уничтожение потребности на самом низком уровне, например, отсутствие охоты насытить желудок, снижает желание двигаться, а не то, чтобы делать научные открытия.

В попытке разделить тело и дух, доктор Гарвинг потерпел фиаско. Человеческое тело подчинено душе. Оно живёт не только в силу физиологических потребностей. Душа – двигатель тела. Стремление к любви даёт силы, создаёт желание становиться лучше. Вера исцеляет. Надежда окрыляет. Мудрость оберегает от опасности и ошибок.

Божественный дух переплетен с плотью человека настолько тесно, что существование одного невозможно без другого. В своих экспериментах, Гарвинг добился лишь только побочного эффекта – стёр у подопытных память. Из людей сделал овощи. Как малолетних детей, их пришлось заново учить элементарным вещам: брать в руки предметы, сидеть, ходить, принимать пищу.

Гарвинг пришёл к неожиданному выводу, что для управления человеком не нужно «заманиваться» на великое – убивать душу. Достаточно воздействовать на память. Умело манипулируя врожденной способностью сохранять и воспроизводить в сознании навыки, знания, опыт, можно творить с людьми многое, если не всё, что угодно. Ограничение памяти превращает личность в безынициативного исполнителя – это как раз то, что нужно!

Опыты по увеличению памяти не показали значительных результатов. Но эксперименты по её сокращению и полному обнулению шли с большим прогрессом и, потенциально, имели гигантскую нишу потребителей из числа работодателей, которые мечтали стереть конфиденциальную информацию из головы работников.

В 1945 году лаборатория Гарвинга вплотную приблизилась к изобретению препарата «ИС». Название осталось прежним, но теперь оно было нацелено на регулирование функций головного мозга, отвечающих за память.

Амалия Гарвинг

Амалия Гарвинг была поздним и единственным ребенком доктора медицины, немецкого профессора Эммануила Гарвинга. Её детство прошло среди ухоженных кварталов Дрездена. Богатые улицы, дома в барочном стиле, дворцы, музеи, лучшие архитектурные, художественные и исторические ценности были для дочери профессора родными и привычными.

Огромная квартира, в которой прошло детство дочери профессора медицины, находилась в старинном доме, вблизи замка-резиденции саксонских правителей. Друзья Амалии – дети высокопоставленных персон рейха пользовались всеми благами цивилизации.

Амалия воспитывалась в обстановке, достойной положению принцессы. Близкие не чаяли в ней души. Отец посвящал ей свободное время, баловал подарками, путешествиями, вниманием. Дочь платила отцу любовью и преданностью. С нетерпением ждала из длительных командировок. В разлуке рассматривала и целовала его фотографии.

Отцовские письма хранила, вместе с другими ценностями – ракушками с африканского побережья, засушенными махаонами и самодельными браслетами из бисера, сплетенными бабушкой.

В 1939 году, в ходе Второй мировой войны была оккупирована Польша. На землях, присоединенных к территории Третьего рейха, в короткий срок были возведены концентрационные лагеря. В 1941 году, в один из них – «Аушвиц», в 60 км от Кракова, вблизи города Освенцим получил назначение Эммануил Гарвинг.

Амалия часто слышала слово «война». Но значения ему не придавала. Как нечто далёкое и мало касающееся явление, оно существовало вне её жизни. Мама также встречала дочь из школы, они шли на прогулку, готовили уроки. Папа работал. Регулярно приезжал, покупал подарки. Всей семьёй они посещали оперу, театр, музеи. Устраивали пышные приёмы и детские утренники.

В Рождественский сочельник, в канун Нового 1945 года, Амалии исполнилось девять лет. Это был последний праздник в семье Эммануила Гарвинга.

Горели свечи, пахло апельсинами и хвоей. Под ёлкой лежали подарки.

Утро следующего дня Амалия будет вспоминать как границу, шлагбаум, печальный рубеж, за которым началась совсем другая жизнь. Суровая, колючая, полная ненависти, отчаяния и пустоты. Словно злодей из страшной сказки поработал пылесосом и уничтожил всё хорошее, доброе, родное и любимое.

Шумный вокзал. Уходящий поезд. Амалия представить себе не могла, что видит отца в последний раз. Мама плакала, не хотела уезжать. Отец уговаривал её, обнимал, объяснял, что война для немцев проиграна. Приближались советские войска. Остаться в Дрездене семье нациста было равносильно самоубийству.

С тоской и болью, Эммануил Гарвинг отправлял семью во Францию, в Лион, к матери жены, в надежде сохранить им жизнь. Отец надеялся эмигрировать в Латинскую Америку, выждать, пока «всё уляжется» и забрать их к себе.

У бабушки, во французском Лионе, жизнь избалованной немецкой девочки, выросшей в обстановке всеобщего обожания, обернулась кошмаром. Стоило ей появиться на улице, как она тут же оказывалась под прессом ненависти. Совсем недавно она с гордостью называла себя «истинной арийкой», а теперь ей приходилось скрывать свою национальность и происхождение. Слово «немец» во Франции было сродни понятиям «фашист» и «враг».

Высадка в Нормандии американских и британских войск воодушевили французов. В стране поднялась волна небывалого патриотизма. Символы движения Сопротивления – «Красные Маки», генерал Шарль де Голль стали героями Франции. Ими гордились, их уважали.

На девочку посыпались беды и несчастья, которые и взрослому человеку было бы нелегко пережить.

Мама Амалии, приехавшая 13 февраля 1945 года в Дрезден на встречу с мужем, погибла в собственном доме, во время бомбардировки английской и американской авиацией.

Через три месяца мир широко праздновал Победу над фашистской Германией. Париж ликовал! С фронта возвращались солдаты. Люди пришли к мирной жизни. Но для поверженных немцев места не было. Их сторонились, ненавидели и, по-прежнему, боялись.

День Великой Победы на веки превратится для них в траур, национальное поражение, позор, беду.

В 1947 году имя Эммануила Гарвинга прогремело на весь мир. Он был осуждён и приговорён к смертной казни, как один из главных фигурантов Нюрнбергского процесса, проходивших по «делу врачей».

Для Амалии эта новость стала новым тяжелейшим потрясением. Шоком. Выстрелом в сердце. Фотографии подсудимых международного суда, с фамилиями, послужным списком преступлений против человечности были растиражированы всеми французскими газетами. Жизнь девочки превратилась в кошмарный ад. Друзей и так не было, но после того, как все узнали, чья она дочь, люди отвернулись от неё. Оскорбляли, посылали проклятия. Амалия окончательно замкнулась и боялась выйти из дома.

Бабушке жилось не легче. После недолгих раздумий, она решила покинуть провинциальный Лион. Рассчитывая, что в столице им будет легче затеряться среди толпы, она продала дом и переехала с внучкой в Париж.

Эрика Стюард

Амалия с отличием окончила школу. Но продолжать учёбу в университете не представлялось возможным. Дорога во все французские вузы для дочери врача – фашиста по фамилии Гарвинг была закрыта. Единственной радостью и смыслом жизни несчастной девушки стало увлечение медициной. Она привыкла сторониться людей. Их давно заменили книги.

Соседи, пожилая семейная пара, наблюдая трудолюбие, аккуратность и прирождённую склонность молодой соседки к химии и биологии, взяли её помощницей в провизорский отдел своей аптеки. Амалия прилежно работала. За четыре года приобрела хорошую практику в изготовлении лекарственных препаратов. Жизнь вроде бы начала налаживаться, но заболела и умерла бабушка – единственный родной человек. Амалия осталась одна.

Ей шёл двадцать второй год. В четвёртый раз её не приняли на медицинский факультет. Она вышла из душной аудитории Сорбонны и побрела по набережной Сены. Храм науки, общество магистров, мир высокой медицины отторг её в очередной раз.

Настроение нулевое. Спешить некуда. Амалия остановилась, положила папку с документами на бетонный парапет и стала наблюдать за уткой с утятами, которые карабкались по скользкому берегу.

– Когда рушатся мечты, на сердце пустота? – услышала она незнакомый мягкий баритон. Обернулась и увидела перед собой высокого, ещё не старого господина в очках. Он улыбался и смотрел ей прямо в глаза. Амалии не хотелось ни с кем общаться, а тем более вдаваться в философские беседы. Но мужчина выглядел вполне миролюбиво. Оборвать фразу, или оставить её в «подвешенном» состоянии было бы невежливо, и девушка продолжила разговор:

– Вы попали в самую точку, месье, касательно пустоты.

– Разве поступление в институт не является предметом Ваших мечтаний? – удивился незнакомец.

– Нет! Ну что Вы! Получить профессию врача – это лишь средство для достижения цели. Моя мечта совсем другая... высокая, – произнесла несостоявшаяся студентка.

– Вы интересный человек! – оживился собеседник, – я – Курт Либхнет, по роду деятельности связан с химией и биологией. Имел счастье слушать Вас сегодня в университете. Вы большая умница... Не желаете составить мне компанию и прогуляться?

– Так какая у Вас мечта? – повторил вопрос странный господин, когда они медленно побрели вдоль набережной.

– Я хочу изготовить лекарство против рака, – ответила Амалия, от этой болезни год назад умерла моя бабушка.

– Примите мои соболезнования, – участливо произнёс собеседник и, выдержав паузу, продолжил, – цель у вас, действительно, высокая. Каким же образом, вы намерены двигаться к её достижению, если вопрос с получением дальнейшего образования, остаётся для Вас закрытым?

– Бабушка говорила, «ничто не вечно под луной» и беды тоже. Однажды звёзды сойдутся на небесах, и моя мечта исполнится. Меня не берут в университет... Это печально. Но запретить изучать медицину самостоятельно, мне никто не сможет, – произнесла Амалия.

К ней пришло осознание, что впервые, после смерти бабушки, её проблемы кого-то заинтересовали. Она открыто обсуждает свои планы, а этот посторонний человек слушает. Пытается вникнуть в её дела.

– Я мог бы помочь Вам с поступлением в институт, но для этого от Вас потребуются определенного рода услуги, – произнёс Либхнет.

– Могу я узнать, что Вы имеете в виду, месье? – насторожилась девушка.

– В процессе учёбы возможны мелкие поручения курьерского плана. Меня интересуют результаты Вашей научной деятельности по окончании ВУЗа, – пояснил Курт.

– Месье! Моя фамилия Гарвинг! Я дочь врача, казнённого по приговору Нюрнбергского процесса! – сообщила Амалия страшную правду.

– Я в курсе Вашей биографии! – отреагировал собеседник и вернулся к теме беседы, – Вы человек, наделённый способностями в химии и биологии, с академическим складом ума. У вас талант к медицине. Наше сотрудничество будет касаться этих сфер Вашей жизни.... Вопрос в фамилии. Вы очень ею дорожите?

Амалия растерялась. Ответить «нет» было бы подло, по – отношению к памяти отца, которого она, несмотря ни на что, любила.

Сказать «да» было бы ложью. Из-за фамилии на неё свалилось столько бед, что она с огромной радостью избавилась бы от неё.

Повисла пауза.

– У Вас появился счастливый шанс изменить жизнь к лучшему. Закрывать печальную страницу Амалии Гарвинг. Сменить имя, фамилию, гражданство, место жительства, – напористо говорил Курт, – всё это в обмен на сотрудничество.

Это была удача! Она согласилась.

Так немка Амалия Гарвинг превратилась во француженку Эрику Стюарт – студентку медицинского факультета Гамбургского университета.

Выучить новую биографию было легко, а выбросить из сердца Эрики Стюарт образ жизни, привычки и состояние души Амалии Гарвинг, оказалось делом непростым. Она, по-прежнему, избегала общения с коллегами и сокурсниками. К комплексу недоверчивого отношения к людям, добавился ещё один: внешность.

Детские светлые кудряшки давно превратились в ярко-рыжую шевелюру. Девушка была вынуждена носить чёлку, чтобы скрыть крутой софитовый лоб. По – детски забавное личико трансформировалось в суровое непривлекательное лицо замкнутой особы. Нос длинноват, губы узковаты, кожа в веснушках. На переносице – массивные очки. У фигуры тоже был конфликт интересов с устоявшимися стандартами женственности. Небольшого роста, тощая и плоская, как подросток, она не вызывала интереса у мужчин.

Послевоенная Европа восстанавливалась. Множились предприятия, росло производство и рабочие места. С каждым годом жизнь людей улучшалась. Но война, как тень, не давала забыть о себе. Присутствовала везде и во всём. На улицах городов, в домах, на экранах кино-театров, телевизоров, в искусстве, быту. Весь мир был пропитан военными воспоминаниями. Стоило прикоснуться к теме прошлого, как неизбежно возникали ужасы тех лет.

Француженка Эрика Стюарт чувствовала себя немкой. Как только речь заходила о войне, мысли предательски переносили её на другую сторону баррикад, рядом с соотечественниками – немцами.

Судьба дала ей прекрасную возможность прожить семь лет в ФРГ⁴. Среди немцев ей было морально легче. Вся нация находилась в одинаковом положении – побежденных зачинателей войны. Они старались не упоминать о ней. Каждый по-своему, индивидуально освобождался от тягостного чувства ответственности за души погибших и невинно пострадавших в ходе самого кровавого события в истории человечества.

⁴ Федеративная Республика Германия

С Куртом Либхнетом Амалия больше не виделась никогда, но регулярно получала от него задания. Их передавали посыльные. Это были разные люди. Мальчишки, дамы, солидные господа, бродяги, служащие, портные, официанты.

С поручениями она справлялась. Работа на Либхнета не отнимала много времени и сил. Наоборот, он стал заочным куратором для неё, сироты, у которой не осталось на Земле ни единого близкого родственника, способного поделиться мудростью. Он помогал значительно больше, чем просил взамен. По его совету, Эрика в университете стала участником студенческого научного общества. Профессор кафедры биохимии, приглядевшись к талантливой студентке, взял её к себе в лабораторию ассистенткой. Эрика принимала участие в подготовке научных экспериментов на кафедре. Отчёты о научной деятельности факультета биохимии она предоставляла своему заочному куратору.

Как результат умной и выверенной стратегии, в январе 1963 года на её имя пришло приглашение на работу «с высоким окладом» в «серьёзной исследовательской лаборатории доктора Хорна», вблизи Парижа, «на освобождающееся вакантное место лаборанта-исследователя, с перспективой роста до уровня главного научного сотрудника».

Эрика получила одобрение от Курта, касательно переезда в Париж. Отправила по почте профессору Хорну согласие приступить к обязанностям. Дождалась подтверждения, уволилась с кафедры и собралась в дорогу.

Совсем скоро «француженка» Эрике Стюард вернётся на «историческую родину», в Париж для того, чтобы строить карьеру, зарабатывать деньги. Если повезёт, то создать семью. Амалия волновалась. Детские и юношеские годы во Франции оставили тяжёлые воспоминания. Но на переезде настаивал куратор – Курт, с которым её связывали обязательства. Ей самой тоже были не безразличны перспективы в лаборатории Хорна: высокий заработок, надежда состояться в профессии и возможность заниматься научной деятельностью.

Всё складывалось, вроде бы, неплохо, но было «но», тяготившее душу. Тень отца – Эммануила Гарвинга. Амалия не верила, что её любимый папа мог кому-то причинить вред. Она считала, что его не справедливо осудили, казнили и думала, что он пострадал, будучи невиновным.

Дочь профессора Гарвинга не могла и не хотела думать, что её отец – добрый, любящий, заботливый человек, мог кого-то убить, а тем более погрязнуть в преступлениях против человечности. Ей вспоминалось, как однажды, он подкармливал бездомную собаку. Подобрал маленького грязного котёнка и принёс домой. Котёнок вырос и превратился во всеобщего любимца, важного кота, по прозвищу Гамлет.

После долгих раздумий перед тем, как направиться на постоянное место жительства в Париж, Амалия решила посетить ГДР⁵. Пройтись по набережной Эльбы, «Старому городу», Цвингеру, дворцу саксонских курфюрстов и королей.

В ожидании встречи с Дрезденом, она с трепетом пестовала мысль о возможности побывать там, где прошло детство, и она была счастлива.

«Вдруг мне удастся что-то узнать об отце?.. Я приложу все усилия, чтобы собрать доказательства его невиновности и спасу наше честное имя!» – мечтала девушка. Захлестнувшая волна надежды и радости озарила душу.

Амалия собрала вещи в свой старенький Фольксваген и отправилась к новой жизни.

⁵ Германская Демократическая Республика

Медаль Почёта

В последнюю неделю октября 1962 года, президент США Джон Кеннеди вынужден был погрузиться в детали формулировок Указа, утверждающего требования к лицам, представленным к высшей воинской награде США – Медали Почёта.

В этой связи, Генеральный прокурор Роберт Кеннеди зачитывал ему основные положения документа:

– ...гражданин США, представляемый к награждению Медалью Почёта, должен являться военнослужащим вооружённых сил США...

– Неужели за всю историю награждений не было исключений? – поинтересовался Президент, не желая отступить от задуманного.

– Прецеденты, разумеется, были. Но их наберётся не более десятка. Среди них, например, женщина – хирург, работающая по контракту в армии и гражданское лицо – пилот, совершивший трансатлантический полёт, – пояснил Роберт.

– Определена ли степень героизма для награждаемых? – спросил Президент.

– Нет. Не определена. О каком-либо конкретном акте героизма в Указе не упоминается, – ответил Роберт, – сказано лишь, что Медалью Почёта награждается лицо за «ценные услуги, оказанные правительству США, и серьёзные и неустанные усилия».

Роберт ещё раз попытался убедить президента отказаться от идеи награждения Медалью Почёта англичанина, Натана Бернарда, не являющегося ни гражданином, ни военнослужащим США.

– Почему я не могу поощрить человека, обеспечившего Белый Дом стратегически важной, уместной и точной информацией, в то время, когда наши доблестные Вооружённые Силы, вместе с ЦРУ, были не в состоянии этого сделать?... Если бы не сведения этого «не гражданина США», неизвестно чем мог бы закончиться Карибский кризис!.. Мы бы ввели войска на Кубу, которые тотчас были бы уничтожены! Тысячи американских солдат могли погибнуть, а США стать зачинщиками ядерной войны! – с жаром произнёс президент.

– Джон! Есть определённая процедура подготовки награждения Медалью Почёта! Должно быть вынесено представление, утвержденное на всех ступенях командной иерархии, вплоть до президента США, – сообщил Роберт.

– То есть последнее слово остаётся за мной? – уточнил Джон Кеннеди.

– Да.

– С него и начнём. Подготовь всё для награждения Натана Бернарда и передай на утверждение в Конгресс. Пусть они назовут хоть одну причину, по которой сочтут возможным отклонить мою личную кандидатуру! – с нажимом произнёс Джон Кеннеди.

– Есть ещё одно важное «но». Как быть с тем, что Натан Бернард не является гражданином США? – напомнил Роберт.

– Он получит его вместе медалью, – произнёс Кеннеди тоном, не терпящим возражений.

– Джон, почему ты с такой настойчивостью отстаиваешь интересы этого человека? Важные сведения, действительно, предоставил он. Но в цепочке поставщиков информации, значатся многие люди: наш родственник Джон Смит, смотритель маяка на Кубе, капитан яхты, доставивший журнал с записями в Белый дом... Что же их всех Медалью Почёта награждать?

– Каждый участник достоин благодарности, но сольная партия принадлежит Натану Бернарду. Именно ему пришла идея собирать данные о заходящих судах в этот кубинский порт. Он не побоялся предоставить их США, находясь во вражеском окружении. Рисковал жизнью. Его могли расстрелять в любой момент! Это смелый и преданный человек. Патриот!.. Есть ещё один фактор в пользу Натана Бернарда... Роберт! Нам, чтобы удержать власть нужны не только политическая воля, знания и сила. Необходимы доверенные люди. На них держится

весь этот мир! Карибский кризис показал, как важно везде иметь «своих» агентов. Короля делает свита!.. Подыщи хорошую службу Натану Бернарду в международном Альянсе. Пусть числится в штате государственного органа США, будет нашим осведомителем. Докладывает истинную ситуацию, проблемы и предлагает решения.

Настоящий солдат

Канун Нового 1963 года. В Шереметьево нарядили ёлку. Она искрилась огнями, наполняла запахом хвои зал прилёта и создавала особую праздничную атмосферу.

Улыбки, цветы, транспаранты! Толпа из жён, девушек, детей, болельщиков встречали, прибывшую из Давоса, советскую сборную по хоккею, завоевавшую Кубок Ахерна. С микрофонами и видеоаппаратурой к ним слетелись журналисты. Окружили спортсменов и брали у них интервью. Рассказывали о борьбе наших хоккеистов за первое место, о важном историческом моменте в истории советского спорта, связанного с получением престижной международной награды.

В числе прочих пассажиров рейса Давос-Москва прибыл Звонцов Виктор Витальевич. Разведчик-нелегал вернулся домой из трёхлетней командировки на Кубу. Перед отъездом в Москве у него оставалась беременная жена. Родился сын Юра. В далёком Усть – Каменогорске умер отец.

В штатской одежде, без торжественной мишуры и помпы, его встречал куратор из Центра внешней разведки, подполковник Фролов. Они тепло поприветствовали друг друга, расцеловались.

– С приездом Виктор! Добро пожаловать, в родную гавань! — произнёс Фролов.

– Приветствую вас, Сергей Иванович! Рад встречи!

– Взаимно! Рад видеть тебя, орёл, живого и в добром здравии! От лица командования, поздравляю с правительственной наградой, внеочередным званием и днём рождения! Ты у нас молодец, Виктор! Превзошёл всё ожидания!.. Как добрался?

– Спасибо! В целом, нормально! В Лондоне, правда, пришлось задержаться, чтобы «сбросить хвост», прицепившийся с самого Вашингтона... Тася, Юра как они?

– Таисия у тебя умница. За три года освоила три языка. Окончила университетский курс по биохимии. Мы вырастили тебе полноценную помощницу! Юрка ходит в детский сад. Ох и шустрый малый у тебя сын!

На парковке их ожидал автомобиль. Машина мягко тронулась с места. В окнах поплыли заснеженные улицы вечерней столицы. Как давно он не был в Москве!

«Юрке два с половиной года ...какой он?» – думал Виктор, с нетерпением ожидая встречи с семьёй, спросил:

– Он уже говорит?

– Кто? – Фролов не понял о ком идёт речь, но тут же сообразил и, с улыбкой, ответил, – болтает во всю! Седьмого Ноября наши дети давали концерт. Твой Юрка читал Маршака. Без запинки. Здоровенный такой стих...

Чистые пруды. Виктор уже почти дома. Попрощался с Фроловым, вышел из машины. Поднял голову вверх. На третьем этаже, справа от центрального лестничного пролёта, светилось окно. «Ужинают», – улыбнулся Виктор. Ещё несколько минут и он обнимет жену и сына...

Три года назад Тася, провожая его горько плакала. Он уговаривал её не думать о расставании, а представлять, что он рядом, только вышел в магазин, на минуту, за хлебом...

Виктор поспешил в ближайшую булочную и купил свежий хрустящий батон.

– Что – то ещё? – спросила продавец у представительного вида покупателя (без авоськи, с необычной, для советского человека, кожаной сумкой через плечо!) «Иностранец! Американец...или англичанин», – подумала она, с любопытством разглядывая покупателя, одетого не по сезону, в светлое кашемировое пальто и без головного убора.

– Да! Пожалуйста, триста грамм конфет «Мишка на севере», – без акцента ответил он.

«Нет, это наш, не иностранец... Дипломат, видимо... Приехал только что из – за границы!», – решила про себя женщина и протянула конфеты и сдачу.

Через пять минут Виктор стоял возле квартиры. Прислушался. Тихо. Вставил ключ в замочную скважину. Раздался характерный щелчок, дверь открылась, и Виктор увидел жену.

– Тася, здравствуй! Я хлеб принёс хлеб и конфеты! – показал покупки Виктор.

– Витя! Витя вернулся! Юра, сынок! Это твой папа! Папа приехал! – воскликнула Тася и бросилась к мужу. Витя целовал её лицо, шею... глаза...

– С днём рождения, Витя! Юра, ну что же ты стоишь? Это же твой папа!

Юрка подбежал и тут же взлетел, под самый потолок, на руках отца!

– Дядя, ты правда мой папа? – серьёзно спросил он, когда его опустили на пол.

– Правда, мой маленький! – ответил Виктор и прижал его к груди. Про себя отметил, что ребёнок, для своего возраста, хорошо и связано говорит, только «р» у него не получается.

– Я не маленький, а большой! Настоящий солдат! – гордо сообщил малыш и, смущаясь, произнёс, – С днём рождения вас... тебя... папа!

– Спасибо, настоящий солдат! – опешил Виктор. Пожал руку сына, вручил покупки и сказал:

– Держи! Неси их на кухню!

После выполнения поручения, Юра, не мешкая, перешёл к делу:

– Папа, ты должен поколотить Веньку! Он жадный, машинку мне не даёт!

– Вот тебе и раз! – воскликнул отец, – Не ты ли, братец, только что назвался «настоящим солдатом»? Где ты видел, чтобы солдаты бегали к папочке жаловаться?

Юрке стало стыдно. Уши у него покраснели. Он опустил голову, спрятал глаза, развернулся, чтобы уйти в свою комнату и пережить позор в одиночестве. Но вновь попал в цепкие руки отца, которые принялись его щекотать, терзать и мять... Юрка визжал, кричал, отбивался... После недолгой возни, взлохмаченные и довольные друг другом, они сели за стол.

Смех, радость, нескончаемый поток эмоций!

...Юрка не хотел идти в кровать и уснул прямо на отцовских руках. Виктор боялся пошевелиться, сидел, не отрываясь, смотрел на него.

– Тася, у него улыбка как у тебя, а глаза – мои, тихо прошептал отец.

Разлука, длиною в три года, осталась позади. Карие глаза утонули в синеве глаз напротив, руки дотронулись до её рук, лица, волос. Скользнули по молнии на платье, чулках. «Я соскучился... – прошептал он... – люблю тебя!» Слова угли в поцелуях, прикосновениях, объятиях...

Юрка проснулся пораньше и побежал проверять, дома ли папа. Осторожно, на цыпочках, он прошёл в спальню к родителям. Увидел спящего отца, потрогал его за нос, и тут же оказался в больших крепких руках, которые мягко приземлили его на кровать.

Юра спросил:

– Ты больше от нас не уедешь?

– Не стану тебя обманывать, сын, уеду, – ответил Виктор.

– Почему-у? – расстроился ребёнок.

– Я, как и ты, настоящий солдат. Солдат должен защищать свою Родину, – объяснил папа.

– Что такое Родина? – спросил сын.

– Это всё, что ты любишь!

– И маму, и бабушку? – уточнил Юрка.

– И маму, и бабушку, и тебя, и меня, – согласился отец.

– Витя, я знаю, что ты немного можешь сообщить мне о той твоей жизни. Там, без нас. Расскажи о самых ярких событиях, – попросила Тася.

– Жизнь и яркие события у меня здесь, с вами. «Там» – служба. Твой муж награждён Боевым Орденом Красного Знамени, получил внеочередное звание – майор... Тасенька, ты молодчина! Мне уже сообщили, что ты завершила подготовку и скоро мы будем работать вместе! Ты даже не представляешь, как я рад этому, рыжая моя, девочка!..– произнёс Виктор. Вынул из сумки красную бархатную коробочку, иностранные документы и сказал:

– Будем знакомиться! Я – британский подданный и гражданин США. Это Медаль Почёта. Была вручена мне Джоном Кеннеди.

Тася с интересом рассматривала паспорт, в котором, рядом с фотографией Виктора, значились имя «Натан», фамилия «Бернард», дата рождения – 28.10.1936 года, место рождения – город Лондон. Медаль, с непривычной для советского человека, перевёрнутой пятиконечной позолоченной звездой. Свидетельство, с многозначительной надписью: «Натану Бернарду. От Конгресса США. За ценные услуги, оказанные правительству США, и серьёзные, неустанные усилия»⁶.

«Мой муж – настоящий Солдат» – с гордостью произнесла она.

⁶ Книга «Горький сахар», автор Ольга Полтаранина.

Планы командования

Через четыре года после победы в Великой Отечественной войне, когда ценой 27 миллионов советских людей, Европа была освобождена от фашизма, было создано НАТО с целью, закреплённой в уставе организации – «защита от советского вмешательства».

К 1963 году в состав НАТО входило 15 западноевропейских стран, с объединённым командованием военными и политическими силами.

18 января 1963 года начальник отдела по странам США и Канады полковник Аристов О.П. докладывал о состоянии дел в Северо-Атлантическом Альянсе генерал-лейтенанту Первого главного управления КГБ СССР Локтеву А.Ф.

– ... Натан Бернард (агент Фокс) принял предложение служить в составе делегации США в штаб-квартире НАТО, в качестве сотрудника отдела разработки новых технологий. В настоящее время Фокс, в очередном отпуске в Москве.

– Хорошие новости! Долгое время наши усилия по проникновению в эту организацию были безуспешными. Внедрение в самое сердце Альянса, в состав делегации США, да ещё на такую позицию – это удача! – похвалил Локтев, – штаб-квартира НАТО находится в Париже. Франция представляет особый интерес для спецслужб. Усилим, заодно, парижскую резидентуру.

Генерал обратился к полковнику Лазареву, начальнику отдела по странам Европы:

– Артём Леонидович, подопечная Курта Либхнета уже приступила к работе в парижской лаборатории?

– У неё ещё целый месяц отпуска, товарищ генерал. Эрика Стюард находится в отпуске, в Дрездене. Вскоре направится во Францию. Время пока терпит. Мы непрерывно «ведём» её, Александр Фёдорович, – отрапортовал Лазарев.

– Не спускайте глаз с этой особы! От неё зависит получение ценнейшего материала в области разработки биохимического оружия, начатого фашистами во время войны... Мне не нравится моральное состояние этого агента. Девица заиклена на давних и уже давно не существующих проблемах! Не годится для молодой женщины в одиночестве мотаться по Европе! Но ничего не поделаешь... Нужно считаться с европейским менталитетом! – вздохнул генерал и резюмировал, – Курт Либхнет путь продолжает координировать агентурную сеть по Европе. Эрика Стюард напрямую будет подчиняться Фоксу.

После совещания, Локтев задержал Лазарева и спросил о готовности агента Ренарды (Звонцовой Таисии Ивановны) к самостоятельной работе.

– Её куратор доложил о полном соответствии стандартам внедрения агента Ренарды. На первом этапе, ей предстоит адаптация в Париже, с отработкой легенды в Сорбоне, в качестве аспирантки кафедры биохимии. На втором этапе, запланировано знакомство и создание семьи с Натаном Бернардом, – отрапортовал Лазарев.

– Это хорошо... Тактический план взаимодействия Фокса и Ренарды должен быть распisan и отработан до мелочей. Готовьте документы на утверждение.

– Так точно!

Специализированный детский сад

Звонцовы готовились в длительную зарубежную командировку. Юра должен был остаться в СССР. За время отпуска нужно было решить вопрос с его устройством в специализированный интернат для детей, родители которых служат во внешней разведке за рубежом.

Их встретил директор этого закрытого учреждения и повёл на экскурсию. Красивое здание с большими игровыми комнатами, учебными классами, спортивными залами, бассейном располагалось в сосновом бору, на берегу реки.

«Сейчас зима, – рассказывал директор, – снег. Дети катаются на лыжах. Мы заливаем каток, возим ребят в музеи, выставочные залы. Летом они сажают цветы, ухаживают за огородом, животными, купаются в реке. Каждый год бывают в Артеке. Командование щедро снабжает интернат. Уровень обучения здесь выше, чем в обычной средней школе. Наши дети поступают в МГИМО, или другие лучшие высшие учебные заведения страны...

Вы не переживайте за сына! Ему здесь будет хорошо! Преподаватели, медицинские работники и другие специалисты – все высшей категории. Многие люди дорого бы заплатили, чтобы дать своим чадам такое образование, какое предусмотрено у нас».

Тася смотрела на мальчишек и девчонок и немела от слёз. Несмотря на царские условия, дети здесь росли сиротами. Малыши играли дорогими игрушками, их правильно и хорошо кормили, лечили лучшие врачи, ежегодно возили к морю. Но они годами не видели семьи, любви и ласки!

Тася молчала, пока длилась экскурсия, но на обратном пути, когда они с мужем остались вдвоём, разревелась.

– Витя, скажи, как мы будем жить «там», зная, что наш сын здесь растёт один, без нас, без близких, родных, любящих людей? С каждым днём он будет отвыкать от меня и от тебя. Сирота при живых родителях... Он вырастет и будет считать, что мы его бросили! Это не справедливо! – захлёбывалась от рыданий она.

Слёзы потоком лились у неё из глаз. Виктор остановил автомобиль. Когда нахлынувшие эмоции у жены ослабли, он взял её за плечи, устремил взгляд в её глаза, и строго сказал:

– Наш сын никогда не будет думать, что мы его бросили! Воспитание, полученное здесь, ему этого не позволит! Дети, которых ты только что видела, в точно таком же положении, как и наш сын. Их родители служат Родине, являются её героями! Заметь, любимая! Ни алкоголиками, ни преступниками, не лишенными родительских прав отщепенцами общества!.. Что будет думать сын о родителях, посвятивших свою жизнь на благо служения Отчизны – это важная тема. Но сейчас мы поговорим не об этом. Один раз и навсегда... Я не буду тебя успокаивать и говорить банальные вещи о том, сколько денег израсходовало государство, обучая тебя и меня. Не стану напоминать, что ты можешь отказаться от работы за рубежом. «Туда» насильно не посылают! «Паленый» разведчик – потенциальный предатель! Ты о справедливости хочешь поговорить, Таисия Ивановна?.. Тогда пожалуйста, сударыня, домой, в Александровку, в Восточный Казахстан! Приступайте к обязанностям фельдшера – акушера и трудитесь там по специальности! Справедливо, не правда ли? Об этой жизни можете забыть! Она не для Вас. Эти блага предназначены для сотрудника внешней разведки Советского Союза, ежеминутно рискующего и готового отдать жизнь, на благо Родины!

Повисла пауза. На Тасю смотрели незнакомые колючие глаза, метаящие рыжие молнии. Она опустила голову и съёжилась. Виктор увидел, что переборщил. Ему стало жаль жену и мать, которая принимает непростое решение – оставить сына на многие годы в интернате. Он смягчил тон.

– Тася, ласточка моя ненаглядная! Не вынуждай меня так жёстко говорить с тобой! Дети наших коллег вырастут. Будут работать в дипломатическом корпусе, или на другой государ-

ственной службе, занимая высокие ответственные и почётные посты. Чем плоха такая перспектива для Юры? Ты считаешь, что если сидеть около ребёнка, то из него непременно хороший человек получится? Ты думаешь, что, находясь рядом с ним, сможешь заработать гарантию любви и заботы в старости? Ты хочешь положить жизнь на алтарь интересов сына, зачеркнув себя, как личность?.. Запомни, в этом случае, Юра будет относиться к тебе снисходительно, не более того! Уважают заслуги, а не жертвенность! Наш сын будет находиться в лучших условиях, какие только можно себе представить!.. Да! Мы будем редко видеться, но ты это знала! Тебя об этом предупреждали, в самом начале!

Видя, что жена взяла себя в руки, Витя обнял её, как ребёнка, погладил по голове, и перевёл разговор на другую тему.

– Ты думаешь, мне легко?.. Знаешь, моя рыжая девочка, как я привык организовывать себя?

– Как? – тихо спросила притихшая Тася.

– Мысленно я очерчиваю круг компетенций. Концентрируюсь на цели и выключаю из головы всё, что находится за пределами черты. Когда приступаю к решению задач, то представляю их планетами, путь которых я должен проследить. Пока не было случая, чтобы мне не удалось просчитать траекторию движения каждой из них и не высветить их темную сторону, – делился опытом Виктор.

На его лице появился румянец, глаза засияли привычным тёплым светом, и он продолжил:

– Определение места и персональной роли в игре – чрезвычайно важная вещь в нашей работе. Тут не до слёз. Никто с тобой миндальничать не будет! Разведчик – это игрок. Понимаешь, о чём я говорю? Игрок! С холодной прагматичной головой! Как кошка, падая с высоты, приземляется на ноги, так и разведчик должен быть наготове и всегда занимать положение игрока, даже если ему уготована роль бейсбольного мяча. Он должен уметь перехватывать инициативу. Иначе провал, а это смерть, тюрьма и вечная разлука с близкими. А ты нюни распустила, как девчонка-первоклассница! Рыжая моя!

– Витя, я хочу, чтобы наш сын рос с моей мамой, – твёрдо произнесла Тася и вернула мужа к обсуждению судьбы Юры.

– Хорошо! Давай пригласим Агафью Емельяновну в Москву. Она будет жить с Юрой и водить его в детский сад, – поддержал жену Виктор. Но увидел, что она никак не отреагировала на его предложение и понял, что Тася имела в виду нечто иное. Осекся на полуслове и замолчал.

– Мама никогда не согласится жить в Москве. Она здесь пробыла год, сразу после рождения Юры, и сказала, что «уж лучше вы к нам». Вся её жизнь прошла в Александровке, с бабушкой, родственниками, подругами. Она никуда не поедет из своей деревни, – объяснила Тася и у неё снова навернулись на глазах слёзы, но уже по другой причине. Всклипнув, она печально вспомнила:

– Виталий Андреевич говорил, что будет воспитывать внука, а сам умер...

– Тася! Хватит, ей – богу! Ты что решила сегодня меня в слезах утопить? – возмутился Виктор.

– Витя, пожалуйста, поехали в Александровку, отвезём Юру маме! У нас ещё целый месяц отпуска, мы успеем! – взмолилась Тася.

– Ты собралась оставить Юру в селе на несколько лет? С ума сошла?! – в ужасе воскликнул возмущённый отец.

Тася взъерошилась, слёзы у неё высохли. Вцепившись в мужа прозрачным, как лёд, холодным взглядом, она с растяжкой, подчёркнуто – уважительно, копируя его манеру, произнесла:

– Сударь, а чем Вам моя деревня не угодила?! Прошу объяснить, Виктор Витальевич!

– Вы что, Таисия Ивановна, хотите отправить нашего сына, будущего дипломата получать образование в сибирской глухомани? – воскликнул отец.

– Да, Виктор Витальевич, представьте себе! – с нажимом ответила жена, – «будущему дипломату», хочу Вам напомнить, дорогой мой человек, ещё нет и трёх лет, и он сейчас, больше всего нуждается в любви и заботе близких людей! Пусть это будет не мама, а хотя бы бабушка, родной человек, которая и по голове погладит и сказку на ночь прочтёт! Ты, надеюсь, не забыл, что я тоже родом из «глухой сибирской деревни»?!

«Да, это тебе не планеты в голове гонять...», – подумал Виктор и согласился с доводами жены.

Александровка встретила Звонцовых февральским холодом, бураном и гололедицей. Старая Связь⁷, в которой жили мама, бабушка и сестра Наташа, совсем обветшала.

Виктор, за приметив по – соседству хороший дом, пошёл договариваться с соседом, чтобы тот его продал.

Яков Штенцель – хозяин дома, мужик деловой и серьёзный, вникнув в суть вопроса, перекрестился и наотрез отказался от сделки. Но услышав сумму, которую озвучил Виктор в обмен его дома на старую халупу, согласился.

Скудные пожитки перетащили весело и быстро. Справили новоселье. Дом у домочадцев получил прозвище «Штенцель».

На вопрос односельчан:

– Как устроились?

Бабушка Пистимея отвечала:

– В Штенцеле, у нас, тапереча, паровое отопление и вода в крану! Акромя сенцев и горницы, на каждого – по комнате!

Юру устроили в совхозный детский сад.

⁷ Прозвище дома, в котором прошло детство Таси

Оставь надежду, всяк сюда входящий...

После посещения Дрездена Амалия Гарвинг почувствовала, как её душа начала освобождаться из плена вины перед человечеством.

Девушка планировала продолжить путь в Париж, но повстречала в дороге указательный знак с надписью – «Краков 400 км» и руки повернули руль в направлении Польши. «Я должна увидеть лабораторию в Аушвице, где работал мой отец», – решила Амалия.

Она остановилась в небольшом гостевом доме на окраине Кракова, а утром отправилась в музей жертвам концлагерей.

Поляки, в отличие от приезжих, не любят называть это жуткое место Освенцимом: одноимённый городишко расположен рядом с ним.

Эрика Стюард поставила автомобиль на парковку, приобрела билет и, в составе экскурсии, с группой французских туристов, вошла в музей.

Первое, что ее удивило – это основательность корпусов фабрики смерти. Толстые стены были сделаны будто на века. Фашисты собирались эксплуатировать их вечно!

Конец зимы. Февраль. На улице минус семь. Холодный пронизывающий ветер. Облачившись во всё теплое, посетители не могли себе представить, что люди, которых тут держали, кроме тюремной робы, вообще больше не имели никакой одежды!

Рельсы, бараки, колючая проволока. С немецкой пунктуальностью на каждом здании, оборудовании, были прикреплены номер и табличка. От надписей, на которых, ужас стыл в жилах: «Сортировка костей», «Дезинфекция тел», «Крематорий», «Прах», «Конечности».

Жуткая экспозиция начиналась с фотографий поезда, направлявшегося в Освенцим. Люди на снимках ещё не знали, что их везли ... в ад. Некоторые улыбались, помогали друг другу заносить чемоданы в вагон. Какую-то женщину везли на инвалидной коляске по перрону. Двери тамбура закрылись, и пассажиры отправились в преисподнюю.

Судя по датам, редким узникам удалось прожить в Аушвице больше года.

Заходить в бараки страшно. Амалии казалось, что сейчас она увидит замученных заключённых. Но людей в полосатой робе, разумеется, давно уже не было. В пустых помещениях были разложены вещи узников: кучи разновеликих очков. Комната с костылями, искусственными конечностями, железными корсетами.

Перед входом в газовую камеру и крематорий, каратели требовали снять одежду. Вещи употребляли для других нужд. Каждую туфельку, чемодан – в дело. На выходе из крематория стояли металлические сосуды, предназначавшиеся для человеческого праха.

Под стеклом тугими сплетенными валиками, лежали косы убитых женщин: рыжие, каштановые, русые, черные. Немцы народ практичный. Всему нашли применение: из волос делали веревки, из плоти – мыло, из праха – удобрения.

За воротами послышалась приглушённая немецкая речь – слуховая иллюзия. Звуки родного языка, впервые в жизни, показались Амалии воплощением страха, концентрацией самых отрицательных эмоций, боли и ужаса. Лающим лязгом звучал он в кладбищенском пространстве.

Комнаты с обувью... Горы сапог, туфель. Мужские ботинки, большого размера. Женские туфли, изящные, на высоком каблуке. В одном из барачков огромное количество детской обуви разного размера. Их сложили отдельно. Крошечные сандалики и ботиночки. Колготки, чепчики, шортики, юбочки. Детских вещей непостижимо огромное количество! Господи, как же их много! За каждой виделся убитый малыш!

Послышались голоса плачущих детей...

Сотни, тысячи людей, обескровленных, с впалыми глазами, исхудавших до крайней степени истощения! Их, ещё живых и в сознании, скидывали в кучи и зачищали бульдозерами.

Следующий барак. Фотографии. Человеческий пепел эффективная нация везёт удобрять приусадебные огороды. Его высыплют на грядки с овощами. На фото – семья фермера: улыбающиеся лица, в предвкушении хорошего урожая.

Группа французов, в которой шла, под видом Эрики Стюард, дочь нацистского преступника Амалия Гарвинг, добралась до лаборатории, где работал её отец.

Она сразу узнала его на фотографии, рядом с изможденными умирающими детьми. В белом халате, позируя на камеру, он, гладко выбритый, сытый и холёный высасывал шприцом у маленького мальчика кровь!

Стул, на котором Эммануил Гарвинг сидел на фотографии, стоял у кровати. Амалия и не в силах была отвести от него взгляд. Ей показалось, что она уловила запах отцовского одеколона. Слезы брызнули из глаз. «Папа, это мой папа, который мух выпускал наружу, из жалости... Папа... кормил собак на улице!» – как набат, билась мысль в голове несчастной девушки.

В следующей комнате вывешены фото людей, над которыми нацистские «врачи» проводили научные эксперименты. Заключённые были не в состоянии держать в руке даже ложку. Заключённых, как животных, держали в клетках. Экспериментаторы в белых халатах открывали им рот специальными приспособлениями и кормили какой-то бурдой.

Фото, фото, фото, одежда, обувь, «медицинские» инструменты. Сшитые близнецы – люди, с которыми «врачи» проводили исследования по искусственному производству сиамских близнецов.

Женщина, из группы туристов, упала в обморок. Кто – то разрыдался.

Амалия не смогла дойти до конца «экспозиции» и вышла из музея.

«Если сейчас бы они узнали, что я дочь «врача» на той фотографии, меня бы растерзали на части, – в отчаянии думала она, – мой отец – верующий человек, как он мог преступить эту страшную черту, за которой началось падение в бездну садизма?»

Спокойно и цинично он много лет проводил опыты с людьми, как с кроликами. Убивал, расчленил, издевался, калечил. Приезжал домой, ел, спал, ходил в театр!

Она села в машину. Слезы застилали лицо. Руки сжали руль. Из всех сил, она выжала педаль газа и врезалась в стену крематория.

Тупик или новая возможность?

Генерал Локтев прибыл на работу раньше обычного. Нужно было разобраться с бумагами. Адьютант принёс завтрак. Генерал уже завершил подписывать первую стопку документов, когда к нему в кабинет снова вошёл помощник. Локтев не любил, когда его отвлекали, но увидел тревогу на лице подчинённого и спросил:

- Что случилось?
- В приёмной полковник Лазарев. Прибыл с докладом.
- В такую рань! Сейчас только пол – седьмого?.. Зови!
- Вошёл Лазарев и доложил о гибели Эрики Стюарт.

Генерал расстроился. Посетовал, что только вчера, в очередной раз, бросил курить. Попросил принести курево. Указал Лазареву на стул и жестом предложил сесть. Вошёл адъютант, принёс любимые папиросы. Локтев закурил и спросил:

- Её опознали? Какие действия уже предприняты?

– Труп пока не опознан, – ответил Лазарев, – удар был такой силы, что сгорело всё: замкнуло электрику, взорвался бензобак. Агент Вацлав, который непрерывно «вёл» Эрику Стюарт на территории ГДР и Польши, находился на месте происшествия. Он наблюдал за действиями полицейских, насколько это было возможно. Были опрошены очевидцы. На месте трагедии работали криминалисты. Всё, что осталось от машины, вместе с останками, вывезены с места происшествия. Никто ничего определённого о погибшей сказать не смог. По нашим сведениям, труп идентифицировать невозможно.

– «Мы непрерывно ведём её!», «Агент Вацлав следит за каждым её шагом!» – возмутился генерал, копируя полковника, – Вы куда смотрели? Эта смерть может поломать нам игру с секретной лабораторией в Париже!.. Образ Эрики Стюарт обошёл и так в «копеечку»: содержание, проживание, обучение в Гамбурге! Теперь, когда Амалия была готова к отдаче вложенных средств, произошёл этот глупый срыв!.. Мы знали о замкнутости девицы, о её терзаниях, переживаниях! Как мог Курт Либхнет – опытный агент, мудрый человек, позволить ей поехать в Освенцим, зная, что она душевно неустойчивая персона?.. Мы не можем поставить под удар операцию «Бумеранг». Она утверждена на самом высоком уровне!

Генерал выразительно показал указательным пальцем вверх и продолжил:

– Ищите замену Эрики Стюарт и делайте рокировку!.. Какие идеи по урегулированию вопросов с польской полицией?

– Предлагаю воспользоваться шансом, что труп погибшей невозможно опознать, – ответил Лазарев, – вмешаться в ход расследования инцидента и «подставить» документы другого лица.

- Работайте! – оживился генерал, – Жду через час, с готовыми предложениями!
- Лазарев попросил время до обеда.
- Три часа, – ответил генерал.
- Слушаюсь! – отчеканил полковник.

Мёртвый сезон

Ранней весной путешественники не едут в Европу: холодную, дождливую и неприветливую. В Польше в это время мёртвый сезон. Но пани Клементина, хозяйка гостевого дома «Уют», на окраине Кракова, получила свою порцию туристов в первую неделю марта.

Рыжая француженка, похожая на немку, остановилась на постой. Переночевала, позавтракала и выехала. Не прошло и суток, как пришёл человек, назвался Вацлавом и предложил снять в аренду все шесть комнат гостевого дома на целых три дня. Пани Клементина, в начале, недоверчиво отнеслась к новому постояльцу. Подумала, что молодой мужчина, крепкого телосложения решил организовать притон. Но сомнения пожилой дамы оказались пустыми. Вацлав объяснил, что работает над диссертацией и жаждет тишины. Не торгуясь, он выложил всю сумму и пани Клементина успокоилась.

Через час после заселения, опрятная и аккуратная хозяйка была огорошена тем, что гость обнаружил в тумбочке, в одной из комнат, документы на имя Амалии Гарвинг, дамские косметические принадлежности и карту автомобильных дорог. Пани Клементина взглянула на фотографию в паспорте и узнала бывшую постоялицу.

– Извините, пан Вацлав! – пролепетала Клементина, – Не понимаю, как могло произойти это досадное недоразумение, что я не заметила вещей предыдущего гостя! Уверяю Вас, что я тщательно делала уборку! Простите, за оплошность!

Пан Вацлав смотрел на растерянную женщину. Слушал её скомканные речи.

– Не стоит волноваться, пани, – произнёс он, – в номерах чисто!.. Документы девушки следует отнести в полицию, мадам...

– Зачем? Прошло не более суток, с тех пор как девушка выехала. Возможно, что она скоро вернётся за вещами.

– Я так не думаю, мадам! На карте автомобильных дорог особым образом обозначен маршрут до Освенцима. Видимо, ваша гостя планировала посетить музей. Не хочется думать о плохом... Но..., пожалуйста, посмотрите вот это.

Вацлав вручил Клементине свежий выпуск «Gazeta Krakowska». Женщина надела очки, села в кресло и прочла сообщение под рубрикой «Происшествия»: «Вчера 02.03.1963 года, после посещения музея Аушвиц-Биркенау, молодая женщина совершила суицид со смертельным исходом, на автомобиле серого цвета, модели Volkswagen. Всех лиц, которые могут что-либо сообщить о личности погибшей, просим позвонить по номеру – 862688».

– Моя клиентка, действительно, приехала на Volkswagen, серого цвета. Номер машины я, конечно же, не запомнила... Неужели, это она?! Что заставило её пойти на такое безрассудство? Как жаль! Имя девушки, кажется, Эрика... Нужно будет посмотреть в журнал, где я фиксирую постояльцев.

– Мадам, необходимо, как можно быстрее, доставать паспорт Амалии Гарвинг в полицию, – напомнил Вацлав.

– Амалия Гарвинг? Гражданка ГДР? – удивилась пани Клементина, когда взглянула ещё раз в паспорт бывшей постоялицы, – Я сразу приняла её за немку, но она представилась француженкой – Эрикой! Ах, где же, право, мой журнал? Боже! Какие, однако, у меня случаются провалы в памяти!

– Что здесь странного, мадам? Неужели Вам не приходилось сталкиваться с ситуацией, когда клиенты называют вымышленные имена? – удивился Вацлав.

Хозяйка гостевого дома согласилась, что люди, частенько, предпочитают оставаться инкогнито.

Пани Клементина перевернула весь дом, но толстенная книга учёта жильцов, как будто, провалилась сквозь землю!

Женщина отчётливо помнила, что в последний раз держала её в руках, когда вносила сведения о Вацлаве.

«Может спросить у пана, не видел ли он журнал?.. Но незнакомец может подумать обо мне, как о склеротичке, или хуже того, что я пытаюсь скрыть улики о немке – самоубийце!.. – женщина испугалась своих мыслей, – Нужно поскорее отнести вещи и документы этой особы в полицию!»

Пани Клементина поспешила в полицейский участок.

Фотография Амалии Гарвинг была предъявлена работникам музея, служащим парковки, участникам экскурсии. Все подтвердили, что видели в музее, в день трагедии, именно эту девушку.

В газете было опубликовано объявление о гибели Амалии Гарвинг.

В морг прибыл пан Вацлав, предоставил документы поверенного близких родственников погибшей. Ему выдали кремированные останки Амалии Гарвинг для захоронения в городе Дрезден.

Рокировка

Из зеркала на Тасю смотрела незнакомая шатенка.

Чтобы придать сходство с внешностью Эрики Стюард, Тасе сделали модную в Европе стрижку.

Высвободившись из плена тугих кос, густые волосы взбились в пышную причёску.

– Вы напрасно волновались! Каштановый цвет идеально Вам подходит! Посмотрите, как он высветил белизна кожи. Облик стал ярким и стильным, – любовался на свою работу парикмахер.

Тася молчала и печально смотрела на свою косу, сиротливо лежащую на столе. Парикмахер поймал грустный взгляд клиентки, понял, в чём дело, и предложил сделать из отрезанных волос шиньон. Идея, в начале, показалась кошунственной: лишиться косы, чтобы потом носить её в виде накладки... Парикмахер напомнил, что в Европе парики в моде. Тася поразмыслила и согласилась.

В обновлённом виде, агент Ренарда предстала перед куратором. Подполковник Фролов посмотрел на неё, затем на фотографию Эрики Стюард, и вынес неодобрительный вердикт:

– Не похожа! Кроме причёски и цвета глаз – ничего общего! Совсем не то! Эрика была невзрачной. Вы – красавица!

– Извините, но мне и так пришлось изуродовать себя – волосы постричь. Хорошо, хоть мама не видит! – отреагировала Тася.

– Ну ладно, ладно. Давайте подведём итоги нашей работы, – куратор торопливо перешёл к делу, – начнём с плюсов:

– Идентичность навыков и знаний с оригиналом – сто процентная. Французским, немецким, английским владеете свободно. Почерк освоили. Автомобилем управляете хорошо. Минусы: Эрика курила. Вы – нет. Но это, пожалуй, не самое важное... Она могла и бросить эту вредную привычку. Внешний вид не совпадает... Вы крупнее. На семь сантиметров выше ростом. Прошу прощения за интимную подробность: грудь у вас третьего размера, у «оригинала» был нулевой. Но, с другой стороны, в парижской лаборатории ни вас, ни вашей фотографии никто не видел... Время будет работать на вас... Так... идём дальше... Что это? Из десяти килограмм вы сбросили лишь половину?... Это что за отношение к службе, агент Ренарда? Срочно приводите вес в соответствие с предписанием! Это приказ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.